

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

УДК 291.5 316.4

Религиозные практики урегулирования конфликтов в секуляризованном обществе XXI в.: анахронизм или актуальная традиция?

И. А. Мухаметзарипов^{1,2}, В. Е. Козлов²

¹ Академия наук Республики Татарстан,
Российская Федерация, 420111, Казань, ул. Баумана, 20

² Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Для цитирования: Мухаметзарипов И. А., Козлов В. Е. Религиозные практики урегулирования конфликтов в секуляризованном обществе XXI в.: анахронизм или актуальная традиция? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 4. С. 651–662. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.407>

Практики урегулирования конфликтных ситуаций в религиозных объединениях основываются на догматике и уникальном историческом опыте формирования религиозных сообществ. В иудаизме, христианстве, исламе и буддизме выработаны свои принципы и нормы проведения переговоров, процедур медиации, арбитража и судейства в случае возникновения межличностных, внутригрупповых и межгрупповых противоречий между единоверцами. Каждая традиция делает акцент на разных формах разрешения споров: судейство в иудаизме, примирение и медиация в христианстве, медиация и арбитраж в исламе и буддизме, но всех их объединяет одно — стремление к мирному урегулированию, достижению справедливости и недопустимости насилия. Однако в силу исторических особенностей древние традиции не всегда совпадают с требованиями, предъявляемыми современным обществом. Принципы равенства сторон, состязательности, гласности, конфиденциальности и независимости посредников и судей понимаются иначе по причине верховенства сакральных установлений и интересов религиозной общины. В этой связи становятся актуальными формы возрождения и интеграции религиозных традиций урегулирования конфликтов в рамках секуляризованного общества, в том числе в связи с повышением интереса к «общественным ценностям» со стороны политических элит в ряде стран (Великобритании, Франции, России). Заинтересованность государств, с одной стороны, направлена на сплочение общества и повышение уважения к закону, а с другой — на усиление активности религиозных сообществ, способных дополнить регулятивные функции государ-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

ства, в том числе снимать противоречия между религиозными и светскими нормами, не допуская нарушения законов, дискриминации и религиозного радикализма.

Ключевые слова: религия, секуляризация, общество, урегулирование конфликтов, переговоры, медиация, арбитраж, судейство.

Проблема социальных конфликтов и их урегулирования преследует человечество с момента его появления. Матрица взаимоотношений на индивидуальном и групповом уровнях настолько сложна, неоднозначна и изменчива, что никакой системе управления коллективами не под силу наладить идеальную коммуникацию. Выработываемые тысячелетиями социальные нормы и практики сами по себе не способны стать эффективными регуляторами без учета контекста: социально-экономических условий, политико-правовой ситуации, разнообразных внутренних и внешних факторов в виде личностных особенностей, групп интересов и окружения. Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении возможности применения религиозных практик урегулирования конфликтов в современном секуляризованном обществе на примере иудаизма, христианства, ислама и буддизма. В ходе анализа мы попытаемся определить, насколько религиозные механизмы вписываются в современность, характеризующуюся ценностно-нормативным плюрализмом и индивидуализацией мировоззрения.

Отечественные работы, посвященные практикам разрешения конфликтов, отличаются существенным уклоном в изучение светских механизмов, при этом часто игнорируют религиозную сферу, затрагивая только светскую модель «альтернативного урегулирования споров» [1; 2]. Среди немногочисленных работ, в которых рассматриваются религиозные аспекты, можно назвать труды В. О. Бобровникова, А. А. Ярлыкапова, Е. А. Варшавера, К. И. Казенина, однако они касаются исламских методов урегулирования на примере Северного Кавказа [3–5]. О проблемах деятельности шариатских судов в разных регионах пишет Л. Р. Сюкияйнен [6]. Роль иудейских и православных судов раскрывается в статьях А. Я. Клейменова и А. В. Ведяева [7; 8]. Комплексное компаративное изучение современных религиозных практик в сфере медиации, арбитража и судейства проведено И. А. Мухаметзариповым [9].

В зарубежных исследованиях данной проблеме уделяется гораздо больше внимания с точки зрения анализа происходящих процессов, интеграции традиции в социум, определения соотношения индивидуального и коллективного права на свободу вероисповедания. Среди авторов можно выделить А. Бейкер (Amanda Baker), М. Бройда (Michael Broyde), К. Вулф (Caryn Wolfe), О. Маклин (Audrey Macklin), М. Хелфанда (Michael Helfand) [10–14]. Иностранные специалисты глубже анализируют происходящие общественные изменения, чему способствует богатство полевого материала в их распоряжении — миграционные процессы привели к поликультурности, в том числе в социальных практиках, что усложнило картину мира и заставило обратиться к изучению проблемы, ранее не замечавшейся. Оказалось, что секуляризм и ценностно-нормативный либерализм не победили окончательно, часть населения по-прежнему заявляет о приверженности обычаям предков.

Между тем урегулирование конфликтов в религиозных объединениях — достаточно специфическая сфера, из-за чего исследователи со стороны могут столкнуться с рядом трудностей как теоретического, так и практического плана. В первую очередь, необходимо подробное изучение догматических текстов, священных

писаний. При этом вероучительные источники составляют лишь базовую часть, они задают общие направления, которые затем развиваются общинами в ходе распространения вероучения, уточняются в богословских трактатах. Писания и труды теологов влияют на модели поведения верующих в зависимости от социально-культурных и политико-правовых условий: этнических обычаев, социальной структуры, исторических событий, деятельности конкретных религиозных лидеров, государственных законов и пр. Даже особенности взаимоотношений в религиозном объединении существенно воздействуют на применение тех или иных практик урегулирования: например, если в сообществе преобладают горизонтальные связи, то предпочтение может отдаваться примирительным и третейским процедурам, тогда как вертикальная иерархия предполагает доминирование судейства, поскольку возрастает необходимость в поддержании дисциплины. Более того, взгляды религиозных деятелей на «правильное» и «неправильное» поведение могут расходиться с позицией рядовых верующих. В особенности это стало актуальным в ходе урбанизации и индустриализации, когда повышение социальной мобильности привело к распаду традиционных способов контроля за поведением индивидов и индивидуализации моделей поведения. Религиозные системы оказываются неспособны регулировать общественные отношения при помощи методов и средств, ранее показывавших высокую эффективность.

Все вышеперечисленное вносит определенные сложности в изучение данной сферы деятельности религиозных объединений. Межличностные и внутригрупповые конфликты сами по себе очень непростая тема для исследования, поскольку участники, как правило, стараются скрыть от посторонних лиц информацию о конфликтах и нарушениях или же подают ее в выгодном для себя свете. Однако именно во время конфликтов раскрывается настоящее, а не декларируемое отношение человека к ценностно-нормативной системе, приверженцем которой он сам себя считает и к которой его относят другие. Для практикующих верующих и лидеров религиозных объединений это особенно важно, так как в условиях секуляризации религиозная регулятивная система находится в состоянии оппозиции к светскому мировоззрению. Поэтому о конфликтах, происходящих в сообществах верующих, стараются не распространяться, поскольку это может пробить брешь в стене религиозной нравственности, тщательно выстраиваемой религиозными лидерами и активистами, чем не преминут воспользоваться критики религии или конкурирующие религиозные объединения. Здесь действует тот же самый механизм, что и в политике и бизнесе: информация, способная нанести урон авторитету группы, должна скрываться или искажаться так, чтобы свести репутационный ущерб к минимуму.

Практика урегулирования конфликта — это деятельность, направленная на разрешение противоречий между сторонами конфликта. Среди указанных практик в теории конфликтологии принято выделять четыре вида: переговоры, медиация, арбитраж и судейство [15, р. 309–312; 16, р. 223–230]. Переговоры заключаются в непосредственном общении сторон конфликта друг с другом с целью достижения взаимного согласия по спорной ситуации. Если требуется участие третьего лица для проведения переговорного процесса, то речь уже идет о медиации — посредничестве в достижении договоренности. Арбитраж — это процедура третейского суда, когда стороны выбирают одного или нескольких арбитров, решение которых

обязуются выполнить. Судейство же характеризуется отсутствием свободного права выбора сторонами регулировщика конфликтной ситуации — спорящие, потерпевшие и нарушители являются к судье, занимающемуся отправлением правосудия независимо от желания представших перед ним лиц.

При изучении «альтернативных» способов урегулирования конфликтов, как правило, сосредотачиваются на «досудебных» практиках: переговорах, медиации и арбитраже. С современной светской точки зрения судейство — это привилегия государства, поскольку связано с легальным принуждением, поэтому совершенно логично относить любые альтернативные механизмы к «досудебным». Такой взгляд не учитывает реалии религиозных объединений, в которых судейство в рамках общин считается одним из основных механизмов решения конфликтных ситуаций, наряду с тремя вышеупомянутыми практиками. Получается, что, говоря о «досудебных» практиках, из поля зрения упускаем религиозный опыт.

Религиозные практики в светском государстве востребованы в том случае, если участники конфликта полностью или частично разделяют религиозную ценностно-нормативную систему и готовы действовать согласно ей. В условиях модернизации общества и широкого применения светских законов количество таковых среди населения значительно снизилось, в итоге религиозные институты стали «нишевым» продуктом, используемым только частью верующих. Более того, из-за деятельности радикальных религиозных групп традиционные практики разрешения споров в общественном сознании стали ассоциироваться не просто с «отжившими» обычаями, а с внесудебными расправами и «параллельной юстицией», несущими угрозу мирному сосуществованию.

Как ни странно, актуализация данных практик в общественном дискурсе в позитивном ключе оказалась возможна благодаря усилиям светских политических элит. Столкнувшись с угрозой атомизации общества в результате радикального понимания идей полной свободы личности от социальных ограничений и недопустимости государственного вмешательства в идеологической сфере, потерпев неудачу в политике интеграции мигрантов из стран с отличной культурой, ряд государств в 2010-х годах озаботился распространением и кодификацией «общественных ценностей». Данные новеллы коснулись, в частности, роли религиозных объединений в регулировании межличностных и внутригрупповых отношений. Например, в Великобритании в программе противодействия экстремизму Prevent 2011 г. впервые были упомянуты «фундаментальные британские ценности», к которым отнесены: 1) демократия; 2) верховенство закона; 3) индивидуальная свобода; 4) взаимное уважение и толерантное отношение к людям иных вероисповеданий и убеждений, в том числе к неверующим¹. Государственные органы и образовательные учреждения должны продвигать данные ценности среди молодежи, чтобы укрепить социум, выработать уважение к законам страны и сопричастность к ее судьбе, развивать гармоничные отношения между разными культурами. Все слова и действия, противостоящие британским ценностям, обозначаются как экстремизм — распространение нетерпимости, принижение прав женщин, пропаганда самоизоляции

---

¹ *Prevent Strategy*, June 2011. URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a78966aed915d07d35b0dcc/prevent-strategy-review.pdf> (дата обращения: 29.01.2024).

сообществ, иная дискриминация, в том числе с использованием религиозной аргументации².

Британское правительство стремится взаимодействовать с лояльными мусульманскими организациями, в частности с суфийскими, пытающимися совместить «британские ценности» с исламскими нормами и практиками. Тем не менее пока опросы населения показывают, что «британские ценности» часто понимаются упрощенно: «хороший» светский британский либерализм противостоит «плохому» и «устаревшему» исламскому традиционализму [17, p. 230–232, 236–239].

Во Франции Советом по мусульманскому богослужению при МВД в 2017 г. была принята «хартия имама» для служителей мечетей. Подписывающий соглашается проповедовать открытый и толерантный ислам, следовать принципам секуляризма и законам республики. Все конфликтные ситуации, с которыми к имаму обращаются мусульмане, он должен решать согласно гражданскому закону³. В 2021 г. утверждена Хартия принципов ислама, в которой прямо говорится о недопустимости замены республиканских ценностей религиозными, об обязанности борьбы имамов за гражданский мир в стране. Особо выделяется право на свободу вероисповедания и недопустимость какого-либо посягательства на права других лиц, запрет дискриминации по религиозным основаниям, в том числе в отношении женщин и инакомыслящих. Конфликтные ситуации должны разрешаться при помощи диалога, лишь в особых случаях имамам дозволяется брать на себя функции арбитров⁴.

В России указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей — нравственных ориентиров, передаваемых из поколения в поколение и формирующих мировоззрение граждан. В число ценностей включены: уважение к традиции и к человеческому достоинству, укрепление семейных, дружеских и иных социальных связей, сохранение семьи, социальное партнерство и взаимопомощь, отрицательное отношение к вседозволенности и аморальному образу жизни⁵. Государство показывает свое благожелательное отношение к религиозным организациям (христианским, исламским, буддистским, иудейским и др.), укрепляющим традиционные ценности, но при условии нераспространения ими радикальной идеологии. Таким образом, религиозные практики урегулирования конфликтов соответствуют целям государства в случае, если они не подрывают статус государственных институтов. Вероятно, в будущем станут возможными обсуждение включения религиозного посредничества в число медиативных практик, подготовка в религиозной среде

---

² *Promoting fundamental British values as part of SMSC in schools. Departmental advice for maintained schools*, November 2014. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a758c9540f0b6397f35f469/SMSC_Guidance_Maintained_Schools.pdf (дата обращения: 29.01.2024).

³ *Charte de l'imam*, 29 Mars 2017, Conseil français du culte musulman, URL: <https://www.ethik-life.com/wp-content/uploads/2017/05/343503789-Le-CFCM-adopte-une-charte-de-l-imam.pdf> (дата обращения: 29.01.2024).

⁴ *Charte des principes pour l'Islam de France*, 17 Janvier 2021, Conseil français du culte musulman. URL: <https://www.youscribe.com/BookReader/Index/3202762/?documentId=4109847> (дата обращения: 29.01.2024).

⁵ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://base.garant.ru/405679061/> (дата обращения: 29.01.2024).

высококвалифицированных арбитров и миротворцев, а также формирование религиозных образовательных программ по выработке навыков досудебного урегулирования споров, снижению агрессии и бесконфликтному поведению.

К религиозным практикам можно отнести все четыре способа разрешения конфликтных ситуаций: переговоры, медиацию, арбитраж и судейство, осуществляемые на основании религиозных ценностей, норм и правил. Главное отличие религиозных механизмов от светских в том, что последние базируются на принципах, оформившихся в Новое и Новейшее время, например, идеях о состязательности, равенстве сторон, гласности, конфиденциальности, независимости регулировщиков конфликтных ситуаций от сторонних лиц, в то время как религиозный подход в корне отличается. Так, по-иному воспринимается равенство сторон: в полной мере равны лишь единоверцы, представляющую определенную социальную группу. Лица, придерживающиеся иной религии или мировоззрения, воспринимаются как «чужие». В традиционной ценностно-нормативной системе родственник предпочитается чужаку, мужчины выше женщин по статусу, старшие по возрасту имеют больше прав, чем младшие, а люди благородного происхождения более уважаемы, чем выходцы из низших слоев.

Конфиденциальность может не учитываться тогда, когда требуется общественное порицание нарушителя. Распространение информации об индивиде считается уместной мерой по поддержанию дисциплины в сообществе. Гласность может нанести урон авторитету религиозного объединения, поэтому группа может не допускать сторонних лиц к участию в разбирательстве, ведь речь идет о защите идеального образа, формируемого верующими о своем коллективе. Высокие нравственные критерии, задаваемые догматами, порождают завышенные ожидания, которые легко разбиваются о реалии человеческого социума.

Состязательность неприменима в случаях, когда религиозная группа имеет дело с опасным, с ее точки зрения, еретиком и критиком догматов, вносящим раскол в сообщество. Предоставление такому человеку права свободно вести полемику с оппонентами приведет к распространению взглядов, способных подорвать сложившуюся иерархию отношений. Независимость регулировщика конфликта от оппонентов или третьих лиц вообще оказывается труднодостижимой: светские судьи во всех странах мира подвержены стороннему влиянию точно так же, как и их коллеги в религиозных объединениях.

Конфликты в религиозной среде могут быть межличностные, внутригрупповые и межгрупповые, как между отдельными сообществами внутри религиозного объединения, так и между индивидами и группой. К ним относятся как столкновения мнений по поводу позиций и статусов сторон, так и конфликты, происходящие вследствие нарушения установленных в религиозном объединении норм. Мы не касаемся в данном случае межрелигиозных конфликтов, являющихся одной из форм этнических конфликтов с ярко выраженным религиозным компонентом.

В догматических источниках многих религий упоминаются все практики урегулирования конфликтных ситуаций. В иудаизме слово «шалом» (ивр. «мир») используется не только в качестве приветствия и пожелания, но и обозначает процедуру примирения (ивр. «редифат шалом»), посредничество о мире (ивр. «тивух шалом»), миротворца (ивр. «родеф шалом»), наряду с термином «пшара» (компромисс). Пшара является аналогом медиации, с участием авторитетного че-

ловека, которым может быть родственник, друг, религиозный судья (даян) [18]. Очевидно, данная процедура призвана снимать противоречия на раннем этапе, не усугубляя конфликт, способный привести к расколу и снижению авторитета духовных лидеров. Перед началом судебного разбирательства даяны всегда пытаются примирить спорящих, спросив у них, хотят ли они решить дело посредством иудейского закона или пойти на уступки. В «Мишне Тора» указывается, что примирение — это религиозная обязанность судей, и тот из них, кто умеет привести стороны к согласию до оглашения решения, достоин похвалы. В качестве обеспечительной меры стороны мирового соглашения приводятся к клятве (гл. 22: 4–5). Практика примирения возводится к брату Моисея Аарону, который вынужденно позволил соплеменникам воздвигнуть Тельца в отсутствие Моисея, тем самым предотвратив насилие со стороны недовольных, а также к царю Давиду, проявлявшему милосердие к народу.

Особенностью иудаизма является повышенное внимание к правилам судейства, что связано с формированием регулятивной системы в ходе развития древнееврейской государственности и дальнейшей проработкой правил в рамках диаспор. Согласно Торе иудеи назначали над собой судей от каждого еврейского рода, поскольку праведный суд необходим для реализации божьих установлений (Второзаконие, 16: 18–20). Если стороны желают третьей стороны суда, то они могут выбрать арбитров (бореров). К судьям предъявляются высокие требования: справедливость, любовь к ближним, беспристрастность (Левит, 19: 15–18, Исход, 23: 4, 9). Судьями могут быть только семейные мудрые мужчины, соблюдающие божьи заветы, с религиозным образованием, примером для которых является Моисей. Изначально судейские функции выполняли Великий Синедрион и малые синедрионы, однако после расселения евреев часть функций синедрионов (семейные, имущественные дела, религиозные вопросы) перешли к раввинским судам (бейт-динам).

Особенностью иудаизма является коллегиальность принимаемых арбитрами и судьями решений, так как человек не подобен Богу и не имеет права судить единолично, что может привести к поспешности и ошибкам. Лишь в крайних случаях в иудаизме допускалось внесудебное наказание за святотатство и богохульство, когда община имела право убить осквернителя. Предусматривалась также самозащита, например применение потерпевшим силы для возврата отобранной собственности. Старейшины могли принуждать нарушителей к выплате компенсации за причиненный вред угрозой изгнания из общины.

В христианском Новом завете больше внимания уделяется не судейству, а личной ответственности, избеганию конфликтов и насилия, признанию человеческих слабостей и терпимого к ним отношения. Принцип икономии (снисхождения) применяется для оценки всех поступков христиан, кроме случаев нарушения основных начал вероучения, когда следуют принципу акривии — строгости в соблюдении заповедей. От религиозных лидеров требуется умелое сочетание данных принципов с учетом личности нарушителя и обстоятельств дела.

Центральной идеей христианского учения является прощение оппонента. Иисус предписал апостолам прощать грешащих на них единоверцев, поскольку в противном случае последует наказание от Бога. Блаженны только милостивые и чистые сердцем миротворцы (Евангелие от Матфея, 5: 5–10; 16: 21–35). Другим принципом урегулирования выступает раскаяние и покаяние (метанойя) — духов-

ный опыт, связанный с переосмыслением грешником своего отношения к Богу и к окружающим.

Если верующий совершает грех в отношении другого, то сначала проводится личная беседа, затем — разговор в присутствии свидетелей-единоверцев, и только в случае неудачи следует обращение к церковным лидерам (Евангелие от Матфея, 18: 15–20). Таким образом, переговоры и медиация становятся ключевыми методами урегулирования разногласий, а судейство выступает вынужденным средством. На каждом этапе основной задачей разбирательства является покаяние и примирение сторон. Тот, кто не слушается представителей церкви, уподобляется язычнику.

Община и церковь образуют основные институты урегулирования противоречий между верующими. Языческий суд отвергается, а судьями и посредниками должны быть только единоверцы, так как неверующие не соблюдают христианских заветов (Первое послание к Коринфянам, 6: 1–8). Поэтому ранние христианские общины предпочитали римским судам своих епископов, выступавших медиаторами и арбитрами, дабы не демонстрировать неуважение к своей вере и не участвовать в идолопоклоннических церемониях [19, с. 623–624].

В аятах Корана и хадисах мусульманам предписывается примиряться друг с другом и быть справедливыми. Так, ссорящиеся супруги должны выбрать из числа своих родственников посредников, а выбранный участниками конфликта судья должен вершить суд по нормам ислама, не потакавая желаниям людей (Ан-Ниса', аяты 35, 58, 105, 128; Аль-Ма'ида, аяты 42, 49). Сварливый человек ненавистен Аллаху, поэтому мусульманам не позволяется разрывать отношения с единоверцами на срок более трех ночей (Сахих аль-Бухари, 2560). Если человек с целью достижения мира говорит неправду, то не считается лжецом (Сахих аль-Бухари, 2692). «Каждый день восхода солнца, — говорил Пророк, — вознаграждается милостью тому, кто устанавливает справедливость между людьми» (Сахих аль-Бухари, 2707). Мухаммед часто сам выступал медиатором и арбитром в конфликтных ситуациях (Сахих аль-Бухари, 2693, 2703).

Мусульманская религия допускает все способы урегулирования: переговоры и медиацию, обозначаемые термином «сульх» (араб. «примирение»), арбитраж (араб. «тахким» — «третейский суд»), судейство (араб. «када» — «судить, решать»). Сам Пророк предписывал решать споры посредством суда с возможностью выбора арбитров и достижения согласия. Первыми из немусульман, последовавшими этому правилу, были иудеи из племени Бану Курайза, выступившие против мусульман, несмотря на ранее заключенный договор, но впоследствии согласившиеся верить свою судьбу решению Мухаммеда (Сахих аль-Бухари, 4121). В Мединском соглашении 622 г. говорилось об обязанности вынесения существенных конфликтов на суд Аллаха и его посланника и примирения сторон в случае, если им поступает соответствующее предложение [20, р. 27–31].

Буддизм отрицательно относится к конфликтам и спорам, поскольку они связаны со страстями, а ненависть усмиряется только любовью. Те, кто осознают, что все люди движутся к смерти, примирят свои ссоры, но думающие только об удовольствиях и не контролируемые своих чувств будут побеждены искусителем — Марой (Дхаммапада, строфы 2–8). Будда решал конфликты миром и советовал прибегать к арбитражу только как к вынужденной мере, иногда выступая посредником и судьей в спорах между учениками. Правилам улаживания противоречий

посвящен особый раздел «Адхикарана саматха» Виная Питаки, включающий семь правил, выраженных в кратких изречениях, в которых говорится об обязательности рассмотрения споров в присутствии всех монахов, учета психологического состояния нарушителя; недопустимости повторного наказания за одно и то же деяние; о принятии решения большинством членов сангхи; запрете на споры, способные привести к расколу. Если община не может урегулировать противоречия, монахи должны обратиться к монахам другой сангхи или созвать комиссию из достойных монахов [21, р. 665–668].

Все рассмотренные выше традиции объединяет общинный характер разрешения конфликтных ситуаций, стремление восстановить мир, а не наказать нарушителя любыми средствами, обращение к судейству как к крайней мере. В современных иудейских общинах урегулирование конфликтов происходит при помощи раввинских судов, разрешающих широкий круг вопросов: имущественные конфликты, разводы, обращение в иудаизм, забой животных, законность происхождения с точки зрения религии и др. Мусульманские объединения возлагают данные функции на отдельных лидеров (специалистов по шариату, лидеров джамаатов, старейшин) или на формальные институты мусульманских организаций (имамов, кадиев, муфтиев). В буддизме органами урегулирования споров выступают монашеские общины и их лидеры, коммуницирующие друг с другом и прибегающие к помощи наиболее авторитетных монахов.

В католицизме и православии существуют системы церковных судов со строгой иерархией и своими каноническими нормами, рассматривающие дела как в отношении священнослужителей и монашествующих, так и некоторые конфликтные ситуации в отношении мирян (например, признание недействительности церковного брака). Если какой-либо вопрос не урегулирован церковью, то спор разрешается в светском суде, что признается церковной доктриной согласно принципу «Кесарю кесарево, а Богу Божие». В протестантизме, в зависимости от структуры объединений и особенностей учения, есть как системы религиозных судов, так и органы арбитража и медиации.

Сакральные тексты и богословская литература рассмотренных религий предусматривают четыре практики урегулирования в различных сочетаниях: переговоры, медиация, арбитраж и судейство, получившие развитие в религиозных сообществах. В зависимости от особенностей вероучения могут делаться акценты на определенных способах разрешения противоречий. Например, в иудаизме большее внимание уделяется судейству, в христианстве — переговорам и медиации, в исламе — медиации, арбитражу и судейству, а в буддизме — медиации и судейству в рамках монашеской общины. Религиозные практики не являются анахронизмом, так как они способны актуализироваться в повседневности до тех пор, пока существуют религиозные представления и религиозные коллективы. Религиозные нормы и практики могут быть адаптированы к требованиям светского государства, дополнив светские механизмы, которые, в свою очередь, являются продолжением древних традиций, из-за чего между ними много общего: максимальное избегание насилия, стремление к миру, восстановление справедливости, обеспечение единства социума. В то же время религиозные практики остаются востребованными лишь частично, поскольку для их применения требуется следование религиозным нормам и правилам, что в современном обществе затруднительно: индивидуализация мировоззрения, распространение

научных знаний и доминирование светского законодательства, закрепившего принцип свободы совести, создали высококонкурентную среду, в которой религиозным объединениям приходится доказывать свою роль в качестве значимых регуляторов социальных отношений. Далеко не все верующие предпочтут религиозные практики светским, поскольку стороны зачастую выбирают в пользу эффективности и результативности, не обращая внимания на содержание священных текстов. Тем не менее в рамках дискурса о сохранении и укреплении традиционных ценностей решение вопроса о формах интеграции религиозных механизмов урегулирования конфликтов в нашу повседневность становится все более актуальным, естественно, с учетом светского законодательства и базовых прав человека, недопустимости любых форм дискриминации и призывов к насилию.

Литература

1. Борисова, Е. А. (ред.) (2019), *Альтернативное разрешение споров*, М.: Городец.
2. Котлярова, В. В. (2021), *Альтернативные способы урегулирования и разрешения споров в России*, Самара: Изд-во Самар. ун-та.
3. Бобровников, В. О. и Ярлыкапов, А. А. (2013), Реституция шариата на российском Кавказе: проблемы и перспективы, *Pax Islamica*, № 2 (11), с. 61–92.
4. Варшавер, Е. и Круглова, Е. (2015), «Коалиционный клинч» против исламского порядка: динамика рынка институтов разрешения споров в Дагестане, *Экономическая политика*, № 3, с. 89–112.
5. Казенин, К. И. (2016), *Конкуренция институциональных регуляторов в городской среде Северного Кавказа*, М.: РАНХиГС.
6. Сюкияйнен, Л. Р. (2021), *Исламское право и диалог культур в современном мире*, М.: Изд-во ВШЭ.
7. Клейменов, А. Я. (2013), Религиозный суд (арбитраж) в системе альтернативного урегулирования споров, *Закон*, № 2, с. 58–66.
8. Ведяев, А. В. (2021), Нормативное регулирование деятельности церковного суда в Русской Православной Церкви: история, современное состояние, проблемы и перспективы, *Христианское чтение*, № 3, с. 305–320.
9. Мухаметзарипов, И. А. (2022), *Религиозные суды, арбитражи и органы медиации в постсекулярную эпоху*, Казань: Фэн.
10. Baker, A. M. (2012), A higher authority: Judicial review of religious arbitration, *Vermont Law Review*, vol. 37, p. 157–202.
11. Broyde, M. J. (2017), *Sharia tribunals, rabbinical courts, and christian panels. Religious arbitration in America and the West*, New York: Oxford University Press.
12. Wolfe, C. L. (2006), Faith-based arbitration: Friend or foe? An evaluation of religious arbitration systems and their interaction with secular courts, *Fordham Law Review*, vol. 75, no. 1, p. 427–469.
13. Macklin, A. (2013), Multiculturalism meets privatization: The case of faith-based arbitration, *International Journal of Law in Context*, vol. 9, no. 3, p. 343–365.
14. Helfand, M. A. (2011), Religious arbitration and the new multiculturalism: Negotiating conflicting legal orders, *New York University Law Review*, vol. 86, no. 5, p. 1231–1305.
15. Boulding, K. E. (1988), *Conflict and defense. A general theory*, Lanham: University Press of America.
16. Darendorf, R. (1959), *Class and class conflict in industrial society*, Stanford: Stanford University Press.
17. Marsden, L., Jarvis, L. and Atakav, E. (2022), That still goes on, doesn't it, in their religion? British values, Islam and vernacular discourse, *Nations and Nationalism*, vol. 29, iss. 1, p. 229–245.
18. Jachter, Ch. *Beit Din, pesharah in theory and in practice*. URL: https://www.sefaria.org/Gray_Matter_II%2C_Beit_Din%2C_Pesharah_in_Theory_and_in_Practice.26-27?ven=Gray_Matter_by_Chaim_Jachter_Teaneck_N.J._2000-2012&lang=en (дата обращения: 29.01.2024).
19. Цыпин, В. А. (2009), *Каноническое право*, М.: Изд-во Сретенского монастыря.
20. Lecker, M. (2004), *The "Constitution of Medina": Muhammad's first legal document*, Princeton: The Darwin Press, Inc.
21. *The Buddhist monastic code* (2013), transl. by Thanissaro Bhikkhu, Metta Forest Monastery.

Контактная информация:

Мухаметзарипов Ильшат Амирович — канд. ист. наук, вед. науч. сотр.;
<https://orcid.org/0000-0003-2708-5369>, muhametzaripov@mail.ru
Козлов Вадим Евгеньевич — канд. ист. наук, доц., вед. науч. сотр.;
<https://orcid.org/0000-0002-7152-152X>, vadim.kozlov@list.ru

Religious Practices of Conflict Resolution in a Secularized Society of the 21st Century: Anachronism or Actual Traditions?

I. A. Mukhametzaripov^{1,2}, V. E. Kozlov²

¹ Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
20, ul. Baumana, Kazan, 420111, Russian Federation

² Kazan (Volga Region) Federal University,
18, ul. Kremlevskaya, Kazan, 420008, Russian Federation

For citation: Mukhametzaripov I. A., Kozlov V. E. Religious Practices of Conflict Resolution in a Secularized Society of the 21st Century: Anachronism or Actual Traditions? *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2024, vol. 40, issue 4, pp. 651–662.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.407> (In Russian)

The practices of resolving conflict situations in religious associations are based on dogmatics and the unique historical experience of the formation of religious communities. Judaism, Christianity, Islam, and Buddhism have developed principles and norms for negotiation, mediation, arbitration and adjudication in the event of interpersonal, intra-group and intergroup conflicts between co-believers. Each tradition emphasizes different forms of dispute resolution: judging in Judaism, conciliation and mediation in Christianity, mediation and arbitration in Islam, and Buddhism, but they are all united by the desire for peaceful settlement, justice and non-violence. However, due to historical characteristics, ancient traditions do not always coincide with the requirements of modern society. The principles of equality of the parties, adversarial process, transparency, confidentiality and independency of mediators and judges are understood differently because of the supremacy of sacred institutions and the interests of the religious community. In this connection, forms of revival and integration of religious traditions of conflict resolution within a secularized society become relevant, including the increasing interest in “social values” by political elites in a number of countries (Great Britain, France, Russia). The interest of states, on the one hand, is social cohesion and respect for the law, and, on the other hand, the noticeable activation of religious communities which can complement the regulatory functions of the state, including eliminating contradictions between religious and secular norms, preventing violations of laws, discrimination and religious radicalism.

Keywords: religion, secularism, society, conflict resolution, negotiation, mediation, arbitration, adjudication.

References

1. Borisova, E. A. (ed.) (2019), *Alternative dispute resolution*, Moscow: Gorodets Publ. (In Russian)
2. Kotlyarova, V. V. (2021), *Alternative methods of settling and resolving disputes in Russia*, Samara: Izdatel'stvo Samarskogo universiteta Publ. (In Russian)

3. Bobrovnikov, V. O. and Yarlykapov, A. A. (2013), Restitution of Sharia in the Russian Caucasus: problems and prospects, *Pax Islamica*, no. 2 (11), pp. 61–92. (In Russian)
4. Varshaver, E. and Kruglova, E. (2015), “Coalition clinch” against the Islamic order: market dynamics of dispute resolution institutions in Dagestan, *Ekonomicheskaya politika*, no. 3, pp. 89–112. (In Russian)
5. Kazenin, K. I. (2016), *Competition of institutional regulators in the urban environment of the North Caucasus*, Moscow: RANHiGS Publ. (In Russian)
6. Sykiyainen, L. R. (2021), *Islamic law and dialogue of cultures in the modern world*, Moscow: HSE Publishing House. (In Russian)
7. Kleimenov, A. Ya. (2013), Religious court (arbitration) in the system of alternative dispute resolution, *Zakon*, no. 2, pp. 58–66. (In Russian)
8. Vedyayev, A. V. (2021), Normative regulation of the activities of the church court in the Russian Orthodox Church: history, current state, problems and prospects, *Khristianskoe chtenie*, no. 3, pp. 305–320. (In Russian)
9. Mukhametzaripov, I. A. (2022), *Religious courts, arbitration and mediation bodies in the post-secular era*, Kazan: Fen Publ. (In Russian)
10. Baker, A. M. (2012), A higher authority: Judicial review of religious arbitration, *Vermont Law Review*, vol. 37, pp. 157–202.
11. Broyde, M. J. (2017), *Sharia tribunals, rabbinical courts, and christian panels. Religious arbitration in America and the West*, New York: Oxford University Press.
12. Wolfe, C. L. (2006), Faith-based arbitration: Friend or foe? An evaluation of religious arbitration systems and their interaction with secular courts, *Fordham Law Review*, vol. 75, no. 1, pp. 427–469.
13. Macklin, A. (2013), Multiculturalism meets privatization: The case of faith-based arbitration, *International Journal of Law in Context*, vol. 9, no. 3, pp. 343–365.
14. Helfand, M. A. (2011), Religious arbitration and the new multiculturalism: Negotiating conflicting legal orders, *New York University Law Review*, vol. 86, no. 5, pp. 1231–1305.
15. Boulding, K. E. (1988), *Conflict and defense. A general theory*, Lanham: University Press of America.
16. Darendorf, R. (1959), *Class and class conflict in industrial society*, Stanford: Stanford University Press.
17. Marsden, L., Jarvis, L. and Atakav, E. (2022), That still goes on, doesn't it, in their religion? British values, Islam and vernacular discourse, *Nations and Nationalism*, vol. 29, iss. 1, pp. 229–245.
18. Jachter, Ch. *Beit Din, pesharah in theory and in practice*. Available at: <https://clck.ru/3G2qCJ> (accessed: 29.01.2024).
19. Tsy-pin, V. A. (2009), *Canon law*, Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrja Publ. (In Russian)
20. Lecker, M. (2004), *The “Constitution of Medina”: Muhammad's first legal document*, Princeton: The Darwin Press, Inc.
21. *The Buddhist monastic code* (2013), transl. by Thanissaro Bhikkhu, Metta Forest Monastery.

Received: February 2, 2024
Accepted: September 16, 2024

Authors' information:

Ilshat A. Mukhametzaripov — PhD in History, Leading Researcher;
<https://orcid.org/0000-0003-2708-5369>, muhametzaripov@mail.ru
Vadim E. Kozlov — PhD in History, Associate Professor, Leading Researcher;
<https://orcid.org/0000-0002-7152-152X>, vadim.kozlov@list.ru